

Дмитрий Дибров: Вы не одиноки, вы способны на все

Диброву можно только позавидовать: занимаясь любимым делом, он исполняет нереальные мечты других и получает за это зарплату

Больше года Дмитрия Диброва не было на экранах. Но вот он напомнил о себе в программе «Я готов на все!» (канал «Россия»), где герои совершают подвиги ради исполнения мечты близких.

— Вы так восторженно рассказываете о проекте...

— Передача отвечает моим запросам. Это не тот случай, когда проектик вышел лет 20 назад, быстренько сошел с западных каналов, а потом его в Турцию, Мексику и нам продали.

Моя программа из тех, в которых говорят каждому: ты не одинок, вот на что ты способен.

— Могли отказаться от проекта?

— До того как я попробовал себя в попсовом телевидении, я избегал по религиозным соображениям любого появления в играх и викторинах. Меня звали выступать, а мне казалось, что это скотство. И когда в приказном порядке отправили на кастинг «О, счастличик!» (тогда я на НТВ работал), понял: из этого может выйти что-то отличающееся от стояния на Тверской после 11 вечера.

Когда год назад я ушел с «Первого канала», мне предложили несколько проектов, но все было связано с идеей развлекательных программ. И эта — очередная.

— Она оказалась лучше других?

— В этой передаче я услышал отзвуки партизанского ТВ конца 80-х, со смешной флейтой проповеди добра и света, на которой играли ребята из «Взгляда». И я согласился.

— Было обидно, что предлагали только развлекать?

— Я пришел на ВГТРК с концепцией журналистской программы «Новое», мне были обеспечены все условия. В течение полугода мы делали этот актуальный проект, но, к сожалению, продукт, который мы подготовили, оказался в сложном положении. Для ночи слишком роскошно, а прайм-тайм, как справедливо решили руководители ВГТРК, просто не готов к такой программе. Ну и программа не была готова к прайм-тайму.

— Насовсем распрощались с надеждой на «Новое»?

— Мы договорились с Добродеевым, что переделаем концепцию в сторону поклона со-

ходя в ужас от того, что я вижу.

— Ваши танцы пугают меньше подвигов ваших героев.

— Наблюдая на экране прыжок Инессы с самого высокого моста в Европе, стоит знать, что накануне героиня была на грани отказа. 300 метров полета в бездну — это 6 секунд невесомости!

— А если бы не прыгнула?

— Наши герои, конечно, имеют право отказаться, но, согласитесь, мы будем в сложном положении, если так поступят все 10 человек, кого мы привезли за безумные деньги... Кроме того, бояться человек должен не так, что с этим по-

очень важное. Как сказала Инесса, вся ее жизнь разделилась на «до» и «после» проекта.

— Завидовали им?

— Завидовал. Нет такого, ради чего я мог бы совершить поступок или попросить кого-то его совершить. У меня все есть. Одна проблема — не хватает времени и денег. У меня дома сейчас телестудия. Но кто может прыгнуть с моста, чтобы мне Господь помог довести замыслы до конца? А когда доведу, пусть бы кто еще прыгнул с моста, чтобы сказать, куда на телевидение я этот видео-арт могу принести. Есть у меня близкий человек, и я могу шесть раз прыгнуть с моста, но ничего не сделаю для реализации ее мечты — написать песню, равную «Let it be» Маккартни. Что я могу сделать с этим мостом, чтобы Господь вдунул ей в голову эти гениальные аккорды? Я в том счастливом положении, когда все зависит только от меня. Если я недоработываю, то только по своей вине. Я не смогу сказать: «Если бы меня отвезли в штаб-квартиру «Феррари», я был бы счастлив, но никто не повезет». Повезут и проведут по цехам, и покажут, как делается болид Шумахера. Это передача о том, что сказка возможна.

— Какими были мотивы ухода с «Первого канала»? Вы ведь мечтали поработать со своим другом Эрнстом.

— Я до сих пор чрезвычайно ценю Эрнста, потому что он мне как брат поколенческий. Мы пришли в конце 80-х, у нас был общий враг — идеологическая рутина. Костя навсегда останется для меня продвинутым режиссером, делающим эстетически близкую мне программу «Матадор». Он во мне тоже видит залихватского режиссера, сидящего ночи напролет в монтажке. Мы это друг в друге очень ценим. Поэтому, когда год назад я почувствовал, что по ночам сидеть уже не хочется, что стоит делать программу «Новое», Эрнст согласился. Но при этом он находился в том положении, в котором потом оказалось руководство «России». Он дал мне возможность делать проект, но чем дальше, тем больше я стал понимать, что это услуга мне лично. И решил, что надо мне где-то начинать сначала.

— И к чему пришли?

— Происходит архитектурный сдвиг в телевидении — меняется поколение. Приходит поколение Чуриковой, Галкина и Малахова. Поколение Парфенова, Диброва, Листьева, Разбаша уходит. Мы — реликты партизанской войны, а сегодня пытаются делать телевидение теми же средствами, какими его делали в 93–95-е годы, нельзя. Надо прислушиваться к поколению Чуриковой и Малахова. В них же наверняка что-то есть. Я далек от мысли, что это поколение Нагиева.

— Вы не с невидимым врагом воюете?

— Мне кажется, что я взят в рекруты телевизионным богом изначально. Может, я отработываю старую установку и война давно кончилась? Может, никому не нужны эти проповеди? Но мне никто не сказал. У меня, к сожалению, прервана связь.

А может, моя нехитрая солдатская выучка еще пригодится...

■ Ольга Сабурова.

Сын героини телередачи встретился со своим кумиром и получил от него автограф на майке: «Диме, с симпатией»

Только если вы поборете страх, у вашего сына исполнится мечта — он встретится с Зиданом.

временным тенденциям. И тут на канале «Россия» возник проект «Я готов на все!» Руководство решило, что придется вести эту программу мне. Была проблема, как развести эти два проекта. Если я продолжу заниматься журналистикой, то как буду ездить с программой «Я готов на все!»? А это полгода изнурительных командировок с лезанием по горам, скалам, с полетами. Так сложилось, что работа над «Я готов на все!» стала для канала важнее, и я вдруг обнаружил, что и для меня.

— Настолько важной, что вы согласились танцевать?

— Мы просто думали о том, что шоу должно начинаться, как шоу. Я попросил нанять мне хореографа и несколько недель провел у балетного станка. Преподаватель оказался хорошим психологом и повел меня сначала в такой танцкласс, где не было зеркал. Мне приходилось только копи-ровать его па, еще не при-

делывать ничего нельзя. Мы в передаче боремся со страхами, которые вредны самому этому человеку. Вот, например, другая героиня, которая проплыла среди акул: в детстве она тонула в мелкой речушке, но страх был так велик, что доходило до чудачеств. Вся семья купалась в море, а она сидела на берегу, потому что казалось, что в воде какая-то гадость плавает. И мы сказали: да, в воде есть опасность. Трехметровая, с шестью рядами зубов. Но только если вы поборете страх, у вашего сына исполнится мечта — он встретится с Зиданом.

— У вас люди, преодолевающие страхи, какие чувства вызывают?

— Безграничное уважение. Любо-дорого было потом на банкете смотреть, как они, свободные отныне, красивые, тянулись рюмочками, произносили тосты... Куда девались стеснительность одного, страх другого? Они прошли через что-то